

ЗОЯ БЕЛОВА
ВЕТКА ПОЛЫНИ

Зоя Белова

Ветка полыни

«Автор»

2023

Белова З.

Ветка полыни / З. Белова — «Автор», 2023

Книга состоит из сборника 22 рассказов, описывающих жизненные ситуации. Герои рассказов живут среди нас, встречаются с трудностями, решают их в соответствии со своими характерами и обстоятельствами. Все рассказы объединяет любовь! У каждого она своя, но понятная, земная, поэтому после прочтения остается приятное послевкусие, сопереживание героям. Герой обречен, принимает решение уехать в глушь, чтобы принять смерть в одиночестве - его не должны видеть слабым. Рассказ оставляет возможность дорисовать сюжет и придумать свое окончание истории.

© Белова З., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Ветка полыни	5
Роковой дуб	8
Своя ноша	11
За это и люблю!	14
Красный велосипед	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Зоя Белова

Ветка полыни

Ветка полыни

«Чтобы духа твоего здесь не было...убирайся!»— она кричала и криком сопровождала каждую выброшенную из шкафа вещь. Голос срывался, переходил на сип. Он ловил то, что попадало в него, и кидал рядом. В какой—то миг мужчина уловил момент, обнял крепко жену, лишив каких—либо действий. Она вырывалась, затем силы покинули, и она затихла в его руках. Мужчина, не выпуская жену, повёл к кровати, и лёг рядом. Её рыдания становились всё тише, и наконец она просто заснула. Мужчина аккуратно освободил руки, встал, собрал вещи с пола в дорожную сумку, и вышел из квартиры, захлопнув дверь.

Накануне ссоры разговор был коротким.

– Прими как данность то, что я скажу. Я ухожу! Говорить что-либо бессмысленно, увещевать тоже, ты меня знаешь!

Да, она знала железный характер мужа, видела, что в последнее время что—то происходило неладное. Он отмалчивался, уединялся, на разговор не шёл. Предполагала, что это связано с работой. И вот, как гром среди ясного неба!

Женщина проснулась с трудом, каждая клеточка тела болела, невозможно было поднять отяжелевшие веки. Она какое—то время лежала без движения, но зазвонил телефон. Откуда—то взяли силы, она быстро схватила трубку, успев подумать: «Он звонит...это было недо-разумение, сейчас извинится, и всё будет, как раньше...».

—Света, ты почему на работу не вышла, – услышала голос сотрудницы, – заболела?

– Да, я плохо себя чувствую...завтра буду, – разочарованно произнесла она. Мобильный телефон мужа лежал на столе.

Николай ехал без остановок. В свое время он купил домик в глухой деревушке с речушкой в Тверской области, иногда приезжал порыбачить в эти красивые места. Жена там не была ни разу, она уважала его личное пространство и позволяла Николаю такой отдых. Домик стоял сиротливо на окраине безлюдной деревни. Там была печка, стол, железная кровать да небольшой шкаф. Все удобства на улице, но его всё устраивало. Сейчас он стремился туда по другой причине. Хотелось забраться подальше от людей, от взглядов, от сочувствия, от вопросов. Месяц назад ему поставили диагноз – рак желудка, третья стадия. Врач приятель честно сказал, мол, мужайся, время упущено, все плохо, но сколько—то протянешь, если будешь лечиться. Обратился бы раньше, мог бы и лет пять пожить. Тогда Николай принял решение принять смерть в одиночку, чтобы не мучить семью, не пытаться отыгрывать у смерти лиш-ний месяц. Он подал заявление об увольнении, резко прервав уговоры и расспросы. Купил на первое время разных консервов, сухарей, круп. Накануне объяснения с женой все уже лежало в машине.

Приехал под утро, стояла середина августа, было туманно и сыро. Растопил печь, в доме появился хоть какой—то уют. Лег в одежде под одеяло и сразу заснул. Снилось что—то жуткое, что заставило резко проснуться. Он вышел в заросший травой двор и сорвал ветку. Горький запах полыни пронял до рези в глазах. Чем—то далеким из прошлой жизни пахнуло на него. Он принес ветку в дом и воткнул в щель над дверью.

Потянулись монотонные дни. Чтобы чем—то занять себя, стал заготавливать дрова. «А вдруг и зиму протяну». Воду брал родниковую, благо, всё было поблизости. Осень наступила рано, подул сильный ветер. Дом оказался худым, дуло из всех углов. Пришлось утепляться. Потихоньку заколотил досками дырки, предварительно заткнув ветошью. Слезил на крышу, подлатал и её. За работой печальные мысли уходили. «А ведь правильной жизнью я зажил, в ладу с природой, – рассуждал Николай, – ведь человеку не много, в общем—то, надо, кров укрыться от холода, и очаг, чтобы согреться да пищу приготовить».

Николай ждал и боялся болей, но их не было, просто тянуло книзу камнем что—то в желудке. Он по—прежнему худел, съедая несколько ложек жидкого супа или каши. Всё чаще хотелось полежать. «Откуда эта напасть взялась, для чего, а может, слишком всё хорошо было? Кто позавидовал нашему счастью...неужели сорок пять – это итог?» – Николай задавал себе вопросы и не находил ответа.

Зимой стало трудней, топить приходилось постоянно. Николай перестал себя жалеть, через силу чистил снег, пилил и колол поваленные деревья, добывая в лесу. Он потерял счет дням и месяцам и ждал наступления развязки, четко представляя себе, как это произойдет. Просто в какой—то момент иссякнут силы, и он не проснется. Потом его обнаружат в этом доме, даже жене сообщат, но она никогда не увидит его при жизни иссохшим и немощным. Она молодая и красивая и просто обязана жить полной жизнью со здоровым мужчиной. Это все ради неё. Мужчина заставил себя не беречь воспоминаниями прошлой жизни, а полностью погрузился в нынешнюю ситуацию. Он был уверен, что дома без него не пропадут.

День пошел на прибавку, солнце подтапливало снег. В какой—то момент Николай почувствовал, что его состояние стабилизировалось, ему не становилось хуже. Он стал прислушиваться к своему организму. Всё реже хотелось спать днем. Как—то ему приснилось, что лежит в теплой ванне. В этот день он наносил и нагрел воды и устроил себе помывку прямо перед печкой. Напился травяного чая и лег спать. Проспал до позднего утра. Ему захотелось мяса. Он сварил картофельной похлебки с тушенкой и с аппетитом съел полмиски. Взгляд остановился на засохшей ветке, и он вспомнил.

– А летом теплынь, а летом жара, так пахнет полынь в твои вечера, – читала ему Света и махала перед носом веткой полыни.

– Фу, какая духмяная, – сказал он.

– Духмяная, – хохотала жена, – какое слово смешное, как из сундука!

Николай улыбнулся своим воспоминаниям: «Только поженились тогда, через год Юлька родилась, а вот уже и ее замуж выдали». Он достал сухую ветку и понюхал: «Надо же, запах остался».

«Один Бог знает, сколько нам отмеряно», – вдруг подумал он.

– Света, здравствуй! – окликнул кто—то. Она кивнула и поспешила уйти.

– Где лечится Николай, расскажи, я же онколог, он наблюдался у меня.

Вопрос застал врасплох, и она остановилась. Светлана полагала, что все кругом знают, что муж её бросил и уехал неизвестно с кем неизвестно куда.

Она металась по квартире, опять, как когда—то, выбрасывала из шкафа вещи, теперь уже свои. Наспех засовывала в сумку свитера, теплые штаны.

– Быстрее... я знаю, где его искать... только бы был жив, он должен быть жив... у него такая сила духа... Как я могла поверить в то, что он наговорил! Гордость дурацкая не позволила ничего узнать. Поверила в мифическую женщину...

Светлана знала, что он купил домик где—то в соседней области. Стала рыться в его бумагах и нашла документ на собственность, там был адрес. Теперь она мчалась тем же маршрутом, которым полгода назад убегал муж. Немного поплутав, она попала в деревню, вот и дом.

– Он и не знает, что стал дедом, маленький Колька растет! – подумала женщина, потянув за ручку двери. На нее пахнуло теплом протопленной избы с легкой примесью горечи.

Роковой дуб

– Не откажет мне Света, не должна, – Миша засунул руку в карман и потрогал коробочку с кольцом. Он выехал рано утром, надеясь уже к ночи увидеть любимую. Больше года они общались лишь по телефону и интернету, и парень предвкушал тот миг, когда обнимет, и увидит в ее глазах те же чувства, что и при расставании. Миша поддержал желание девушки перейти на заочное отделение, чтобы быть рядом со стареющей и часто болеющей бабушкой, которая с десяти лет заменила ей родителей.

Сам же времени даром не терял, за время разлуки получил диплом инженера и устроился на хорошую работу. Карьера за год выросла, он обзавелся неплохим автомобилем, на котором сейчас и мчал, и самое главное, ему одобрили ипотеку на двухкомнатную квартиру! Миша ехал сюрпризом, полагая новостями сразить и девушку, и бабушку. С Галиной Михайловной он лично знаком не был, но был наслышан о ее непростом характере, поэтому немного нервничал.

На дороге стояли небольшие лужи, чувствовалось, что день—два назад прошли грозовые майские дожди. Уже темнело, как вдруг его внимание привлекло что—то очень яркое, мелькающее между деревьями по мере движения. «Солнце уже село, что же это?». Но тут лес отступил, и в середине небольшой поляны сквозь наступающую темноту парень увидел дерево. Что—то странное происходило в его огромном стволе – он светился из трещин и дупел. «Дуб! Горит изнутри, но не сдается!» – восхитился Миша. Он остановил машину и подошел ближе к дереву. Оно стояло одиноко, ветви широко раскинулись над лежащими ниц несколькими соснами, как будто стараясь прикрыть момент их смерти. «Представляю, что здесь творилось!» – подумал Миша. Он попытался глазами дотянуться до вершины дуба, но крона сливалась с темнотой неба, и только огненные пятна, как глаза, устрашающе сверкали. У парня закружилась голова, но он не мог оторваться от горящего, но не сдающегося дуба, так и стоял, не замечая времени. И когда дерево все—таки не устояло и стало падать, Миша протянул в его сторону руки, как бы стараясь облегчить момент падения.

По дороге он обдумывал судьбу дуба, неизвестно сколько десятилетий, а может и столетий, росшего на этой поляне, но не выстоявшего, сраженное молнией в самое сердце. Уже не такой радостный, он продолжил свой путь и уже ночью постучал в дверь любимой. Светлана обрадовалась, прильнула к нему всем телом, как он и мечтал, но, стесняясь бабушки, сдержанно поцеловала. В чужом старинном доме Миша потерял былую уверенность. Галина Михайловна пошла на кухню собрать ужин гостю. «Позвонить мог, предупредить», – ворчала она, недовольная, что ее старческий сон прервали. Но сон отступил, они сели за круглый стол, и Миша, накручивая вермишель на вилку, все еще находясь под впечатлением, стал рассказывать о происшествии на дороге. Бабушка со Светой пили чай с дареными конфетами и слушали рассказ.

В момент, когда Миша говорил про рухнувший дуб, у бабушки вдруг выпала из рук чашка с горячим чаем прямо на колени. Все вскочили взволнованные, нет ли ожога.

– Давайте спать! – скомандовала бабушка. – Вон, руки уже не держат. Миша, тебе я постелила на террасе.

Все разбрелись по комнатам. «Предложение сделаю завтра, выспятся, и будет другое настроение», – с такой мыслью парень и заснул, но вскоре вскочил от того, что его кто—то тряс. Бабушка стояла над ним.

– Выйдем на улицу! Завернись в плед, прохладно.

На плечах Галины Михайловны тоже был вязаный платок. Бабушка повела его в глубь сада в старую беседку, украшенную деревянным узором.

– Этот дом, Миша, и все, что здесь видишь, построено еще до революции моими дедом с бабкой, родителями что—то перестраивалось, я тоже следила за домом, чтобы и внучке хватило пожить. Руки мужские нам нужны, умелые сильные руки! Скажи, зачем ты приехал?

– Я люблю Свету и хочу сделать ей предложение.

– А теперь не перебивай и слушай меня. Я вижу, что ты парень неглупый. Мне Светка все уши прожужжала, ни на кого не смотрит. Мне уже за восемьдесят, а когда я была молодая, у меня был жених, и он, как и ты, увидел падающее сгоревшее от молнии дерево. Я, как сейчас, помню тот день, как он размахивал руками, описывая его, как дерево рухнуло почти к его ногам. И тогда моя мама рассказала о легенде, которая живет в наших краях. Оказывается, это не такой уж редкий случай в этих местах. Так вот, легенда эта о том, что кто увидит сгоревшее и упавшее от молнии дерево, сам быстро сгорит, или болезнь разовьется стремительно, или несчастный случай произойдет с человеком, но конец его очевиден. Я не поверила маме, настояла на свадьбе, но почти сразу же после свадьбы муж начал болеть, и через три месяца я его похоронила. А оказывается, надо было бегом бежать от горящего дерева, а не ждать, когда оно упадет. Три года я приходила в себя, редела в подушку, в двадцать лет вдовой стала. А потом вышла замуж за первого, кто позвал, родила дочку и развелась. Не могла жить с нелюбимым, так никого и не полюбила! А теперь история может повториться с моей внучкой!

– Вы хотите сказать, что я умру? – нарушил Миша затянувшуюся паузу.

– Я хочу сказать, что ты, Михаил, если действительно любишь Свету, должен уехать, причем как можно скорее, чтобы завтра вы с ней уже не встретились. Со Светой я сама поговорю и все ей объясню, и не думай ей больше звонить! Я не хочу внучке похожей судьбы, она и так обижена, с десяти лет сирота. Поспи пару часов – и в путь! – строго произнесла женщина и стремительно ушла в дом.

Мише казалось, что все это происходит не с ним! Ему виделся дуб с пугающе—красными глазами, а в ушах слышалась бабкина легенда. Мысли путались, переключались на себя: «И это все, вся моя жизнь?», а затем: «Глупости, поверил бабке, средневековье какое—то!»

Он все же забрал куртку, сумку, кинул все в машину и вернулся в дом. Подошел к комнате Светы, но в это время появилась бабушка. Миша развернулся и молча вышел.

Когда проезжал мимо судьбоносного дуба, нажал на клаксон и голос сирены завыл среди ночи, заглушая плач мужчины.

У Миши наступили серые будни, он с головой ушел в работу и задерживался на заводе допоздна. Его ничего не радовало, а вскоре отказался и от договора по ипотеке. «А вдруг? Кто будет оплачивать мои долги?». К тому же к нему стали приставать с вопросом: «Ты чего так похудел, совсем не отдыхаешь, все на работе!» Он и сам чувствовал, что брюки спадают, пробил в ремне новую дырку, потом купил другие штаны на размер меньше. «Хватит убиваться по Светке, девчонок кругом – только подмигни!» – потребовал друг. Миша в ответ криво улыбнулся. Дома в ванной видел в зеркале торчащие кости. «Сбывается!» Месяца через три, в конце лета, он заметил, что худеть перестал. «Это была депрессия, все наврала бабка, не понравился я ей!»

Видя большое рвение к работе, Мишу послали в командировку, дорога тянулась по тому же шоссе, где рос когда-то роковой дуб. Миша затормозил у поляны, и чтобы размять ноги, пошел к тому месту. Он увидел пепелище от ствола, высохшие ветви бывшей кроны, валяющиеся вокруг. И вдруг его внимание привлекло что-то ярко-зеленое. Парень разгреб ветки и увидел молодой крепкий росток дуба! «Не умерло дерево, живое, успело росток кинуть! И я живой!». Он упал на землю и стал рыдать от счастья! Наплакавшись, взял телефон и первый раз нарушил запрет:

– Света, скажи бабушке, что дуб жив, он пустил росток...и я жив.

– Бабушка сегодня умерла...я жду тебя.

Своя ноша

– Левушка, миленький, помог бы мне, хоть немного, – Тамара в изнеможении облокотилась о дерево и сползла по нему на траву. Силы двигаться дальше не было. Широко раскинув руки и ноги, тяжело дыша, она вдыхала здоровый воздух леса, а возле ее ног лежал, скорчившись от боли, муж.

– Сейчас... чуть—чуть отдохну, и дальше пойдем, – скорее себе, чем мужу, произнесла Тамара, а глаза слипались, и ей хотелось тоже свернуться калачиком и лечь рядом с ним.

Идея пойти в лес принадлежала Томе— это была ее попытка как—то разнообразить быт. Стояла сказочная осень, последние числа сентября, и на работе только и разговоров было, что о грибах, которых «видимо—невидимо». И вот в воскресенье они поехали на своей бывалой «Ниве». Места им подсказали. Свернули с трассы на проселочную дорогу и оставили машину там. Не рискуя в незнакомом лесу заблудиться, бродили в зоне слабой, но слышимости проезжающих по шоссе машин. Часа два они были в лесу, прежде чем сели перекусить. Тут и началось! Боль резко пронзила область живота и заставила Леву согнуться пополам. Тамара вскочила, не понимая, что случилось.

– Что с тобой, где болит?

Мужчина бледнел, принимал разные положения, почти терял сознание. Боль не отпускала.

Тамаре стало ясно, что надо быстрее выбираться из леса. Она обхватила мужа за пояс, перекинув его руки себе на шею. Тома не была худенькой женщиной, но муж был крупнее и тяжелее. «А как же на войне санитарки солдат волочили!» —подбодрила себя. Его ноги цеплялись за ветки и, вместо помощи, только тормозили. Прошли метров десять, и Тома поняла, что долго не выдержит. Она опустила мужа на траву, нащупала у него пульс. Лева открыл глаза:

– Я умираю? Мне больно.

– Ты что выдумал? Нам на дорогу надо выбраться, помогай мне, отталкивайся ногами!

Тамара сняла с себя куртку, перекатила на нее мужа, и потащила за край. Стало немного легче, но его ноги так же или беспомощно волочились, не поместившись на куртке, или были поджаты к животу – муж интуитивно искал облегчения. Надеяться на его помощь не приходилось. Тогда Тамара установила себе ритм: тащила пять рывков, потом останавливалась, делая вдох – выдох по пять раз. Она понимала, что нельзя тратить силы на эмоции, на переживания – только тащить! Механические действия дали результат, шоссе приближалось – уже явно слышался гул машин.

– Еще рывок, где—то рядом проселочная дорога, там наша машина, но главное шоссе... Сейчас, вот только минуточку отдохну.

Тамара все—таки легла рядом слевой, прислушалась к его дыханию.

– Живой, Тамарка—санитарка, – сыронизировала женщина, – только не закрывать глаза! – Это уже себе дала команду.

– Эх, Томка, зря ты замуж за такого красавца выходишь, страдаешься! Красивый муж – всех муж.

– А что мне, мама, за уродца выходить? Я и сама ничего! – девушка крутилась перед зеркалом, примеряя фату. Правда, на свадьбе обратила внимание на взгляды мужа в сторону пятнадцатилетней соседки Милки, которая все крутилась и изгибалась в дурашливом танце, стараясь быть поближе к молодоженам и ловя те самые взгляды молодого чужого мужа.

Но жизнь пошла своим чередом, через два года родился сын, постепенно построили свой дом с гаражом, купили первую машину «Жигули». Работящий оказался муж, все в дом. А Тома занималась сыном, и настолько увлеклась, водя его в разные кружки, занимаясь учебой, что на какое—то время выпустила мужа из поля своего внимания. А его не зря звали Лев, он нуждался в окружении, где бы им постоянно восхищались. Милка, соседская девчонка, давно уже выросла и расцвела, но почему—то засиделась в девках. Но это Тома так думала, что засиделась, и не видела, что у нее под носом происходит. Когда ей в открытую подружки сказали, то не поверила, попросила доказательства. А ей и намекнули, чтобы в понедельник в три часа заглянула в свой гараж, когда обычно сына в бассейн водит. Долго раздумывала в этот день, с утра заглядывала Лева в глаза, что—то пыталась рассмотреть в них. А он вел себя как обычно, позавтракал молча, потрепал сына по волосам, Тамару чмокнул и ушел на работу. Женщина тоже занялась обыденными делами: проводила в школу сына, вернулась домой, приготовила обед, потом встретила сына, накормила и отвела в бассейн. Время близилось к трем, и она все—таки решила позвонить маме и попросить забрать внука из бассейна с ночевкой. К дому Тамара возвращалась «с нервами на пределе», ноги подкашивались, ее колотило то ли от страха, то ли от холода. Была поздняя осень, и дул ледяной ветер. «Врут, завидуют!» – проносилось в голове с легкой надеждой.

Гараж был в глубине двора. Тома открыла узкую дверь и перешагнула высокий порог. В машине горел свет и два силуэта просматривались через окно. Она рывком открыла дверцу машины. Лев и Милка сидели голые на заднем сиденье и даже не пошевелились. В салоне было жарко. Тома мгновенно все поняла. «Отравились, идиоты!» Она распахнула ворота гаража, села в заведенную машину и рванула по газам. В те минуты думала «только успеть довести до больницы!» Она даже проверить не стала, живы ли, было стыдно и противно смотреть в их сторону и тем более прикасаться к ним. Она сдала любовников в приемное отделение и уехала домой. Ее знобило, поднялась температура. Тома зарылась под одеяло с головой и боялась, что сейчас позвонят и скажут, что они умерли. Или ждала этого? Она сама потом, когда все утряслось, спрашивала себя, хотела ли их смерти? «Хоть догадался домой не тащить!» – нашла положительный момент Тома.

Ее благодарили, просили прощения виновники и родственники с двух сторон. «Прости, дочка, он по гроб жизни тебе будет обязан», – теперь уже уговаривала ее мать.

– Опять спасаю, снова его жизнь в моих руках... А если он умрет? – Словно испугавшись дурных мыслей, Тома вскочила и с новой силой потащила свою ношу «раз рывок, два, три...».

На этот раз повезло, они вышли на проселочную дорогу, где стояла их машина. С трудом затащила мужа на заднее сидение, и опять, как в тот раз: «Только бы успеть довезти!»

«Еще бы полчаса, и не спасли, тяжелый случай прободной язвы», – сказал ей после операции хирург. Леву перевели в общую палату. Супчики, протертые каши носила к нему два раза в день. А однажды, когда все страшное было позади, и Тома стала приходить реже, она пришла в больницу без предупреждения. На его кровати сидела Мила, а Лева гладил ее руку. Тамару будто кипятком обожгло – кровь прилила к лицу! Она закрыла дверь и выбежала на улицу. Женщина брела по скверу, не понимая, что идет в больничном халате, пока не почувствовала, что замерзла. На нее, рыдающую, оглядывались.

– Девчонки ведь говорили, что Милка так замуж и не вышла, что не раз видели их вместе, а я опять не хотела верить, ведь они оба обязаны мне жизнью! Они же прощения просили! Двенадцать лет с той истории прошло, сын вырос, вон, в Армии уже. Жили—ни в чем не нуждались, хорошо ведь жили, не ссорились, ровно... Да скучно мы жили, по привычке, по обязанности, без любви! – Тамара остановилась, прервав свой вой, вытерла остатки слез руками.

– Я же была ему верна, «и в горе, и радости» рядом была, прощала, а он за моей спиной... Она поняла вдруг, что не испытывает ни ревности, ни обиды. Тома словно прозрела и почувствовала полное безразличие к ситуации, как будто освободилась от ненужного груза, передав его дальше. Она вздохнула полной грудью и пошла легкой походкой свободной женщины!

За это и люблю!

– Виктор, ты знаешь, кого я сейчас встретила? —еще не закрыв дверь, с порога взволнованно заговорила Тая.

– Даже боюсь предположить, – шутливо отозвался муж, забирая сумки из ее рук, – я могу накидать варианты, Папу Римского там, президента, но это все мелочи, так ведь, ну что тебя так могло поразить?

– Ты все с шуточками, а я почти шок испытала, как она изменилась!

– Может, скажешь уже!

– Аллу Марееву! Я с ней училась в институте, симпатичная такая! Мы даже дружили когда—то.

– Да помню ее прекрасно, и семью ее помню. А что с ней не так?

– Ты бы ее не узнал, располнела, лицо одутловатое, вся неухоженная. Да дело даже не во внешности, все мы стали не лучше. Она изнутри другая, и взгляд с прищуром, как будто ждет нравочений, и сразу становится в оборону.

– А ты к ней цеплялась?

– Я только спросила, где она теперь работает, их же НИИ закрыли, а она была ведущим инженером. Так у нее сразу появился этот взгляд и вызов в голосе – «лифтером в ЖЭКе!», а потом: «А что, мне нравится, среди мужиков работаю! В конце смены бутылочку разопьем, хорошо так делается!» И захохотала! Мне жутко стало от ее смеха. Вот тебе рассказываю, а смех этот в ушах стоит.

– Уж больно ты впечатлительная. У всех своя судьба, сама говоришь, что ей нравится, значит, это ее планка.

– Нет, Витя, у нее просто надлом внутренний, я с ней еще поговорю, мы телефонами обменялись.

– Ну зачем тебе надо к ней в душу лезть?

За домашними делами Алла не выходила у нее из головы, вспоминались моменты институтской жизни, как подруга, здорово разбирающаяся в точных науках, помогала с сопроматом, как она «щелкала» задачи по теории механизмов и машин. Стройная, всегда с красивой стрижкой русых волос, уверенная в себе девушка. Все у нее складывалось удачно – и хорошая работа после института, и замужество по любви, и дочка умница. А вот удача дала сбой, и она надломилась, замкнулась в своем мирке, сузила его до лифтерши. И радости осталось, что в конце смены распить бутылку. «Я ее вытащу оттуда, это не ее планка, не прав Виктор!»

И Таисия начала действовать! Она записалась на прием к директору, и он пообещал, что возьмет подругу на освобождающуюся должность инженера по охране труда. Дома с радостью поделилась с мужем.

– Она тебя просила о работе? – удивился Виктор. – Ты мне этого не сказала!

– Да нет, не просила, она же гордая, но не лифтершей же ей куковать!

– Ну—ну, – пробурчал муж.

Новость о возможности устроиться в завидную организацию Алла восприняла сдержанно, это даже немного обидело Таю. Однако, стала приводить себя в норму, пить прекратила, красиво постриглась. От волнения и предстоящих перемен потеряла пару—тройку лишних килограммов. Она решительно взялась за новую работу, да и коллективу понравилась.

Казалось, все стало налаживаться, но Таисия, заходя в ее кабинет, видела, как та прощалась с кем—то наспех и клала трубку. Как—то раз спросила, с кем говорила. «Да со старой работы звонят, скучают!»

– Ты тоже скучаешь?

Алла неопределенно покрутила в воздухе рукой. На самом деле она тосковала, в свой выходной заходила в гости к «своим», как звала лифтеров. Собираясь на новое место, силой усаживала себя к зеркалу, нехотя выбирала наряд, вспоминала, как, натянув незамысловатую униформу, пригладив волосы под косынкой и наспех нанеся помаду, бежала к милым ей сердцу людям. По воле случая, там собрались такие же, как она, потерявшие свою привычную работу, вынужденные пойти хотя бы на эту. Они любили поговорить про «ту» жизнь, но и в «этой» их все устраивало и не хотелось ничего менять, а вот выпить за все хорошее, что было и что будет, надо было обязательно.

Время шло, и было оно на пользу Алле. Ее внешность преобразилась, она стала позволять себе красивую одежду, дочке то и дело покупала подарки. На работе все ладилось, больше к «своим» не заходила, постепенно и их звонки прекратились. Алла стала задерживаться после работы, не раз Тая заходила за ней, предлагая куда—нибудь сходить, а в ответ слышала «не могу, дел много, скоро проверка», а глаза светились.

«Извините! – Алла уверенно распахнула дверцу такси, опередив собирающегося это сделать мужчину, а затем, так же быстро вскочив в салон, скомандовала водителю, – гони! Двойная плата!» Он погнал. Группа человек из пяти возмущалась вслед, а прозевавший свою очередь, оправдывался: «Ну вы же видели ..., может, вопрос жизни и смерти!»

Алла достала телефон и перечитала сообщение: «Постарайся! Скучаю! Жду!» Она постаралась, нашла предлог – день рождения подруги, и теперь мчалась в свой выходной на встречу с ним! Уже в который раз перечитывала короткое, но емкое послание, а внутри от горла до живота бежал холодок. В свои сорок шесть она влюбилась как девчонка, искала предлог для

«случайной» встречи на работе, ждала тайных свиданий. В ней проснулись все нерастраченные чувства, которые мешали о чем—либо здраво рассуждать. И муж, и дом ушли на второе место, даже на третье, на втором была ее новая работа. А на первом – он, Алексей!

– Быстрее можно, я опаздываю!

– Да гоню я, – раздраженно ответил таксист.

На работе была традиция отмечать дни рождения небольшим фуршетом – по бокалу шампанского и фрукты.

Тая принимала поздравления, хлопали пробки бутылок и воздушные шарик. Среди этого шума неслышно прозвучал голос вошедшего охранника:

– Извините, Таисия Михайловна, сейчас позвонили родственники, Алла Николаевна Мареева погибла!

Кто—то услышал, кто—то не понял.

– Тихо! Повтори, что ты сказал! – попросила Таисия. Охранник повторил, и добавил, аккуратно подбирая слова:

– Разбилась на такси, когда ехала на работу. Машину занесло на встречку и ударило в столб... скользко, март все—таки, да и скорость большая была. Вроде, перелом позвоночника в области шеи. Смерть мгновенная, сказали.

– У нее выходной, какая работа! – не осознав главного, произнесла Тая.

– Ну да, муж так и сказал, что поехала на день рождения.

Все повернули головы на именинницу, а она почему—то стала оправдываться:

– Она вчера мне звонила, извинялась, что не приедет.

Женщина заплакала, сотрудники, понурив головы, вышли из кабинета.

На похоронах Тая была с мужем.

– Я боюсь к ее родным подходить.

– Надо, – сказал Виктор и уверенно повел к ним жену.

Старенькая мама сама обняла Таю, и они плакали, обнявшись:

– Вот же, судьба какая у моей Аллы! Хоть последний год жила как заслуживает.

С мужем молча обнялись, дочь же отвернулась демонстративно, а потом догнала при выходе из кладбища, и на ухо Таи прошептала:

– Из—за вас мама погибла, работала бы лифтером, осталась бы жива, да еще этот ваш день рождения!

– Послушай..., – но она гордо удалилась, молодая и красивая, в черном шелковом платке, в норковом полушубке, царапая лед каблучками сапожек. Все это совсем недавно Тая с Аллой покупали, и тогда она сказала: «Надо же, теперь могу позволить такие подарки сделать доченьке!»

Дома Тая выпила водки «за помин души подруги», и уже в постели жаловалась мужу:

– Меня считают «косвенно» виноватой в ее смерти, а дочь прямо в лицо мне это сказала. А Алла не ко мне ехала, у нее, оказывается, был роман с энергетиком, к нему она спешила, да разве ж это скажешь семье! Пусть муж ее хорошо помнит!

– Всем—то ты хочешь сделать хорошее, – ответил Виктор, укрывая одеялом засыпающую жену, и добавил, – за это и люблю!

Красный велосипед

Весть о том, что Славка, пятнадцатилетний подросток, спас от пожара троих малолетних детей Людки—пьяницы, моментально облетело село. Дети бегали на пожарище, а взрослые собирались небольшими группами и ругали Людку почем зря, что додумалась детей запереть снаружи и уйти, а догадаться убрать спички не смогла.

– Ах, если бы не Славка...– размахивали они руками и хватались за сердце. – За какие грехи деткам малым такая мамка досталась!

Знакомые толпились у дома Славы, пожимали руки и матери, и отцу, и самому парню. Некоторые тормошили его голову, а Славка стеснялся, изворачивался.

К вечеру в гости к герою дня завалила толпа народа: и глава районной администрации, и журналисты, и директор школы. За ними потянулись соседи. Всем не хватило места и предложили выйти на улицу.

И сам Слава, и его родители были красные от смущения, но отец для важности момента надел пиджак, а мама то поправляла волосы, то оглаживала подол платья.

– Уважаемые жители села! Все вы уже знаете, что сегодня произошло, – начал свою речь Глава. – Про Людку мы здесь говорить не будем, с ней отдельная история. А вот про этого героя, – он обнял подростка за плечи, – нам приятно говорить! Это наше будущее! Он сегодня совершил подвиг и, рискуя своей жизнью, спас малолетних детей из огня!

Все хлопали, радовались, а Славке хотелось убежать, но тут какой—то мужчина подкатил красный велосипед, и Глава радостно объявил, что Слава награждается этим ценным подарком. Парень расплылся в улыбке, глаза его засияли, как и хромированные детали велосипеда. Слава схватился за лакированные черные ручки, а они будто прилипли к нему, такие были удобные, а камера снимала все это. На другой день по местному телевидению вышел репортаж, и у Славы началась другая жизнь. Его приглашали в школы, писали статьи, одноклассники хлопали по плечу. Постепенно он привык к интервью, держался уверенно, складно отвечал, улыбался в камеру. Заготовленная речь уже лилась легко и слегка отстраненно, как будто он говорил о ком—то. Ему стал нравиться образ этого парня и его поступок спасателя.

– Пойду после девятого класса в пожарное училище, там каждый день подвиги, – мечтал он, – Глава обещал направление дать.

Иногда Слава вспоминал тот день, когда заметил горящий на окраине дом, как побежал туда и увидел в окно три искривленные от страха и крика мордашки, и ему стало за них страшно, но дверь была закрыта на навесной замок, а огонь уже выбивался из худой крыши. Как кирпичом разбил соседнее окно, залез в дом сам и вытащил детей, старшему было пять, а маленький даже не ходил. Как потом его порезы мама мазала зеленкой. «Где дети теперь? Куда—то всех увезли!» Да никто и не вспоминал семью погорельцев, как появились, так и пропали, «чужие заезжие». Вся эта история крутилась только вокруг Славки, которого уже и звать стали Славка— спасатель.

Наступило лето, последние каникулы школьника. Славу возили в школьные лагеря района, где его с интересом слушали ребята поменьше. Он добавлял в свой рассказ литературные образы про полыхающий огонь, про меткий кирпич, про легкий прыжок в окно и тяжелых детей. Но постепенно интерес к мальчику—спасателю стал пропадать.

Недели тянулись, а его куда не приглашали. Парень стал раздражительным, грубил родителям, но те терпели, «переходный возраст», – успокаивала мать, а отец уверял, что их сын «звезду словил». «У него другая судьба будет, не как у нас, он герой», – возражала мама.

Его короткие светлые волосы выгорели на солнце, а сам вытянулся, плечи развернулись, да и постоянная гонка на велосипеде сделала сильными ноги. У него остался один преданный друг – его красный велосипед. С ним парень беседовал, намывал его и следил за шинами, чтобы те всегда были накачаны. Славка гонял на красном велосипеде, представляя себя на пожарной машине, а его глаза искали что—нибудь горящее, чтобы затушить, спасти, или хотя бы оказать помощь.

Как—то вечером Слава решил искупаться. Возле пруда бегал мальчик с их улицы, от природы инвалид, к тому же умственно отсталый, вместо слов изъяснялся слогами – ма—ма, ти—ти, та—та. Мальчику было уже десять, но он был такой маленький и худой и выглядел лет на семь.

– Генка, ты с кем здесь? – спросил Слава, хотя знал, что мальчик с утра до вечера представлен сам себе.

– Ма—ма, ма—ма, – помахал в сторону поселка мальчик, —та—та, – показал он на велосипед.

– Хочешь, я тебя покатаю?

Гена радостно закивал головой. У Славы засияли глаза от пронесшейся мысли:

– Вот он, мой новый шанс! Обо мне скоро опять заговорят!

Он помог малышу вскарабкаться на багажник, и они помчались. «Только бы никто не видел!» Генка сзади смеялся, расставив широко ноги. Вот уже село далеко позади, дорога бежала вдоль леса, потом свернула в лес. Ехать было тяжело, но Слава крутил педали изо всех сил. Мальчик сзади пытался что—то произносить, но парню некогда было прислушиваться к его междометиям, он через плечо кричал «еще немного» и продолжал гнать. Наконец он остановил велосипед и помог слезть Гене, взял его за руку и потянул за собой. Тот сопротивлялся, сквозь слезы произносил «ма—ма...ти—ти».

– Перестань реветь, скоро придем, —сердито посмотрел на Гену.

Малыш глянул испуганно, но плакать перестал. Слава искал глазами хорошее место, и вот ему приглянулся подходящего размера овраг. Он прыгнул туда сам и потянул мальчика так, что тот завалился и засмеялся.

– Вот так—то лучше, а то вздумал реветь, как маленький. Посиди тут, я тебе ягод принесу, только никуда отсюда не уходи, слышишь? Я обязательно приду за тобой!

Генка согласно покивал головой, лежа на траве и раскинув свои ручонки.

Была ночь, когда к ним в окно постучали. Мама испуганно подскочила с кровати, отец вышел на улицу. В их дом ворвалась с криком и плачем Генина мать.

– Слава, помоги! Найди Гену, я все село оббегала, всех знакомых, родных—нет нигде! А вдруг он утонул...

Слава ждал ее прихода, он не спал, только делал вид, а в голове прокручивал, как бы действовали спасатели.

Он уверенно озвучил план спасения, что надо разбудить и привлечь как можно больше народа. Откликнулись многие, Славу слушались и подростки, и взрослые. Разбились на группы, определили наиболее возможные участки, где мог быть мальчик. Слава с пятью мужчинами направились в сторону леса. Он на своем красном велосипеде оторвался ото всех и на ходу крикнул, что пойдет потом им навстречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.